

Vladimir V. Napolskikh

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Izhevsk — Moscow, Russia

“My Arrow, Fly Up Double, Come Down Single”: To the Problem of Scandinavian–Alanic Parallels in the Mythological Onomasticon

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 3, pp. 85–99

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.034

Language of the article: Russian

Напольских Владимир Владимирович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ, Ижевск — Москва, Россия

«Маэ фат уәләмаэ дыууәйә сәәуәт, фәстәмаэ иуәй раздәхәт»: к проблеме скандинаво-аланских параллелей в мифологическом ономастиконе

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 85–99

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.034

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.034
УДК 398.221 + 801.81.7 + 398(=113.3) +
+ 398(=221.18) + 398(=221.11)

В. В. Напольских
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Ижевск — Москва, Россия

«МÆ ФАТ УÆЛÆМÆ ДЫУУÆЙÆ ССÆУÆТ, ФÆСТÆМÆ ИУÆЙ РАЗДÆХÆТ»: К ПРОБЛЕМЕ СКАНДИНАВО-АЛАНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ

В статье сопоставляются сюжеты осетинского нартовского эпоса (сказание о сыновьях Уархага Ахсаре и Ахсартаге, в котором один из братьев гибнет от раздвоенной стрелы в результате недоразумения) и исландского эпоса (рассказ о нечаянном убийстве слепым богом Хёдом его брата Бальдра брошенным дротиком из побега омелы, в средневековых иллюстрациях к которому орудие убийства также изображается раздвоенным). Особенность сюжета (странное раздвоенное орудие убийства), непонятная уже самим осетинским сказителям и исландским средневековым писателям, является типичным примером «общей странности», которая может быть решающим аргументом при сравнении фольклорных мотивов на предмет общего происхождения. Помимо этой особенности и общего сходства сюжетов, обнаруживается общность в родословной героев этих сказаний (посредством которой они вписываются в мифологическую картину мира соответствующих традиций) и в ономастике: параллелизм пар Один — Фригг / Фрейя (и её отец Ньёрд — бог вод) и Уархаг / Уастырджи — Дзерасса (дочь бога вод Донбеттыра), сходство семантики имен героев ('Воин', 'Герой') и полное совпадение имен прародителей (*Борæ — Búri, Borr*). Все эти наблюдения позволяют предложить гипотезу о наличии в северногерманском эпосе сюжетов, заимствованных из готской традиции, к которым также относится сюжет о Германарихе, Сунильде и ее братьях, известный по «Гетике» Иордана, и, возможно, привязка в некоторых сагах прародины асов и Одина к району устья Дона. Данные германско-осетинские параллели восходят

© Напольских В. В., 2021

не к индоевропейской древности, а к тесным готско-аланским контактам в Северном Причерноморье в III–IV вв. н. э.

Ключевые слова: нартовский эпос; Эдда; саги; скандинавы; осетины; аланы; готы; сравнительная мифология

Сведения, приводимые в «Гетике» Иордана и сама фигура ее автора, происходящего из смешанной гото-аланской среды [Mommsen, 1882, VII; Скржинская, 1997, 9–15], однозначно указывают на тесные гото-аланские контакты, по сути на симбиоз, сложившийся не позднее первой половины IV в. н. э. в Северном Причерноморье и сохранявшийся в ходе и после готских и аланских миграций на запад Европы (см. близкую к исчерпывающей сводку исторических источников в [Алемань, 2003]). Героическая эпоха начала Великого переселения народов не могла не оставить следа в фольклоре обоих народов, который имеет продолжение в хорошо зафиксированных эпических традициях. Аланское наследие, без сомнения, отразилось в севернокавказских сказаниях о нартах: как бы ни решались дилеммы истоков нартовского эпоса, даже исследователи, склонные подчеркивать местные, кавказские его корни, не могут отрицать ясно ощутимого и в сюжетной структуре, и в ономастике степного аланского вклада в сложении этого транскультурного феномена [Дюмезиль, 1976; Кумахов, Кумахова, 1985, 218–220].

Возможно, не столь очевидно, что собой представляла и как дошла до нашего времени готская эпическая традиция, однако и о ее полной утрате говорить не приходится. Иордан неоднократно указывает, что сведения о предыстории готов он почерпнул из готских старинных песен (*carmina prisca*), и, хотя более чем двухсотлетняя дискуссия об обстоятельствах написания «Гетики» и источниках информации Иордана запутанна и далека от завершения, большинство здравомыслящих исследователей сходятся на том, что готские предания в конечном счете реально лежат в основе многих сообщений «Гетики» — от убежденности в максимально широком их использовании самим Иорданом [Croke, 1987, 124–125] до более взвешенных точек зрения [Wagner, 1967, 59, 66–68; O'Donnell, 1982; Анфертьев, 1994; и др.]; гиперкритическая позиция по этому поводу, отстаиваемая в новейшем труде [Christensen, 2002, 112, 155], внутренне противоречива, не имеет оснований и не выдерживает критики [Wood, 2003; Sønnesyn, 2004].

Наиболее вероятно происхождение из готской устной традиции переданных Иорданом героических сказаний о «короле» Эрменрике / Германарихе (прежде всего — сюжет о Сунильде и ее братьях [Гетика, 129–130]) — хотя бы потому, что они явно носят развернутый, характерный для эпических сказаний облик и не находят параллелей в других античных источниках. Замечательно то, что эти сказания вошли в общегерманскую эпическую традицию, где фиксируются в ранних письменных памятниках: полностью — в скандинавских («Старшая

Эдда»: «Речи Хамдира», IX в.), в виде реминисценций — еще раньше — в англосаксонских («Видсид», VI в.), а позже — в древненемецких («Бегство Дитриха», XIII в.) [Brady, 1943]. При этом источником указанных сюжетов в германских эпических памятниках никак не может быть сочинение Иордана, единственное объяснение — заимствование их непосредственно из устной готской традиции или — что также нельзя исключать в принципе — из неизвестных нам письменных готских источников. Наличие у готов развитой эпической традиции, повлиявшей на весь германский мир вплоть до Исландии, таким образом, очевидно. Не подлежит сомнению и факт теснейших контактов готов с аланами в Причерноморье, а также (судя по данным [Гетика, 116]) контакты готов с непосредственными предками осетин и адыгов на Северном Кавказе [Napol'skich, 2016].

На этом фоне очень странным выглядит отсутствие хороших параллелей между германским (*resp.* готским) и нартовским эпосом, прежде всего с его осетинской версией. Показательно, например, что из трех рассмотренных подробно и еще нескольких упомянутых в недавней работе Е. Н. Дувакина фольклорно-мифологических мотивов, для которых он предполагает специфический параллелизм между Северной Европой и Кавказом [Дувакин, 2020], только сюжет «Удар мечом из ямы» (убийство дракона героем, который по совету старца выкопал яму и нанес дракону удар клинком снизу) может рассматриваться как сепаратная скандинаво-кавказская (нартовская) параллель.

Необходимо оговориться, что речь идет не о восходящих, возможно, к праиндоевропейской древности параллелях в духе Ж. Дюмезиля: готы и аланы тесно контактировали едва ли раньше, чем с III в., и искомые общие мотивы должны иметь достаточно позднее происхождение и специфический характер. Поиски следует вести не в области архаичных мировоззренческих моделей и их реликтов или общих сюжетных ходов и мотивов, имеющих панъевразийские параллели, которые в данном случае не могут иметь значения, а в сюжетной конкретике и ономастике нартовского и германского эпоса. Опыт работы в области сравнительной мифологии, кроме того, заставляет уделить особое внимание нетривиальным деталям и «странностям», параллелизм в которых только и может стать доказательством контактных взаимодействий в области фольклора и мифологии.

В качестве такой «странности» можно рассматривать приведенный в заголовке статьи пассаж из нартовского сказания о братьях-близнецах Ахсаре и Ахсартаге. Когда один из братьев обвиняет другого в преступной связи со своей женой, обвиненный брат пускает стрелу в небо, говоря (в данном случае): «Мæ фат уæлæмæ дыууæйæ ссæуæт, фæстæмæ иуæй раздæхæт» <Моя стрела вверх двумя пусть летит, назад одной пусть вернется> [НК, 40]. Тема раздвоенной стрелы здесь непонятна и поэтому порождает разнообразные интерпретации мотива, в том числе в устах сказителей. В академическом издании осетинского

нартовского эпоса опубликован 21 вариант сказания об Ахсаре и Ахсартаге [НК, 14–108], и в трех из них встречается данный эпизод¹.

1. Югоосетинский вариант (1925):

Ахсалтаг выхватил стрелу, пустил ее в небо и взмолился:

– О Боже, пусть моя стрела летит вверх двумя, (а) вернется одной. И пусть поразит меня в ту часть моего тела, которая коснулась нашей невестки, и да наступит от этого смерть моя! (*Хуышау, ма фат уалемае дыууейæ ссауат, фæстæмае иуей раздахæт. Нæ чынджыл ма буарей шы аныжæвди, ууыл сæмбæлат, æмае ма мард умæй æршæуæт*).

Полетела та стрела, и назад вернулась, и коснулась мизинца Ахсалтага, и наступила от этого его смерть [НК, 40].

2. Дигорский вариант (1933):

<Ахсартаг:>

– О, создатель вселенной, единый Бог! Если души моей касается то, в чем ты меня подозреваешь, то пусть эта стрела из (моего) колчана полетит вверх двумя, а назад вернется одной, а вонзится в мою голову, но если моя душа чиста, то пусть она полетит одной, а назад вернется двумя, и пусть вонзится в обе наши головы! (*Йа, дуйней искаенæг еунæг Хуцау! Кæд ма уодма, ду мабæл цæмæй сек кæнис, уомæй ести хъæртуй, уæд аци сагъæдахъи фат уалемае дууемæй рандаæ уæд, фæстæмае ба еунæгæй æрæздахæд æма маен сæри ниннахсæд, на æма, кæд мае уодаæ кæдзос æй, уæдта уалемае еунæгæй рандаæ уæд, фæстæмае ба дууемæй æрæздахæд æма нае дууей сæрти дæр ниххæссæд*).

Пустил он стрелу (извлеченную) из колчана, и полетела она одной, а назад вернулась двумя и обоих тут же поразила насмерть [НК, 60].

3. Дигорский вариант (1903):

Ахсар приложил стрелу к луку и говорит:

– Если между нами произошло хоть что-то грязное, то пусть эта стрела взлетит одной, но вернется двумя и вонзится мне в середину головы, а если нет, то пусть вернется двумя, но сделает так, чтобы ты поверил в мою невинность! (*Кæд махмае йести цъмурдзинадаей æрхъæрттай, уæд аци фат еуемæй фæццæуæд, дууемæй ба æриздахæд æма мае сæри астæу ниххæссæд, ке нае ба дууемæй æриздахæд, æма мин мае растдзинадае куд базонай ду, уой бакæнæд*).

Стрела вернулась двумя и отсекла у Ахсартага палец. И братья (вновь) стали доверять друг другу [НК, 67].

4. Кроме того, в конце тома, среди текстов, опубликованных в XIX — начале XX в. на русском языке (осетинские оригиналы утрачены), приведен еще один (публикация 1889 г.):

¹ Переводы осетинских текстов сделаны Ю. А. Дзиццойты, которому я выражаю глубокую признательность за помощь и ценнейшие консультации.

Когда брат и тут еще не поверил и продолжал молчать, Ахснартаг достал лук и сказал:

– Бог богов! Порази меня этим луком в то самое место моего тела, которым я прикасался к жене моего брата!

Сказав это, Ахснартаг натянул тетиву. Лук поднялся высоко-высоко и, разломившись надвое, упал обратно: со страшной силой он вонзился в мизинец Ахснартага и раздробил ему руку, отчего он тут же в судорогах и умер. Тогда только поверил Ахснарт брату [НК, 470].

Как видим, установить, какой вариант предпочтительнее (стрела вылетает двойной и возвращается одна, или наоборот), вряд ли возможно, однако сохраняется общая идея: гибель одного или обоих братьев (в третьем варианте ее нет, но в конечном итоге в сказании братья все равно погибают) из-за недоразумения происходит от стрелы, которая может раздваиваться. Не исключено, что второй вариант является попыткой сказителя объяснить эту странность: стрела убила сразу обоих братьев, потому что раздвоилась, — чаще в сказании об Ахсаре и Ахсартаге второй брат убивает себя сам, поняв, что первый погиб по его вине.

Аналогичная «странность» обнаруживается на исландской иллюстрации середины XVIII в. к рассказу [МЭдда: 48–49] об убийстве Бальдра его братом, слепым богом Хёдом, подвигаемым Локи, с помощью стрелы или дротика из побега омелы: ветвь, пронзающая Бальдра, раздвоена [SÁM 66, 75] (см. рис. 1)! Рисунок, конечно, поздний, но иконографическая традиция не может быть случайной², и, несмотря на то что мне пока не известны текстуальные указания на раздвоенный побег, которым был убит Бальдр, полагаю, что данным свидетельством пренебрегать нельзя. Важно и то, что орудие убийства Бальдра было сделано из омелы (*Viscum album L.*): суть «формулы невозможности», стоящей за этим мотивом, вероятно, в том, что побег омелы образованы довольно

Рис. 1. Смерть Бальдра из исландской «иллюстрированной Эдды» 1765–1766 гг. [SÁM 66, 75]: слепой Хёд, Локи и Бальдр, пронзаемый раздвоенным побегом (описание рукописи см.: [Иллюстрированная Эдда])

² В интернете можно обнаружить еще один подобный рисунок, явно из другого манускрипта примерно того же времени, точную атрибуцию которого мне установить не удалось [см: Смерть Бальдра].

короткими междуозлиями, которые обычно раздваиваются, в силу чего из нее и невозможно изготовить прямой дротик.

Значимо и общее сходство ситуации: гибель одного из братьев по недоразумению от раздвоенного орудия, пущенного вслепую (в буквальном смысле в Исландии и в переносном — на Кавказе), вследствие неосмотрительности и легковерия другого брата, который затем также гибнет (Хёда убивает Вали, Ахсар и Ахсартаг оба гибнут либо вследствие этого выстрела, либо позднее). Это сходство мешает сопоставить рассказ «Младшей Эдды» с другими евразийскими преданиями, объединенными в каталоге Берёзкина — Дувакина в мотив «Убить тростником» [Берёзкин, Дувакин, *L15B*], которые, конечно же, ничего общего с рассматриваемым сюжетом не имеют (они скорее соответствуют мотиву тернового куста, в котором спрятался Братец Кролик), в отличие от приводимых там же америндских (в основном североамериканских) преданий, во многих из которых речь идет именно об убийстве одного из братьев, хотя в целом и эти сходства весьма смутные и явно не образуют целостности. Исландско-осетинская параллель, таким образом, оказывается уникальной.

Намеченный обнаруженной «странностью» параллелизм получает гораздо большие основания, в том числе и ономастические, при дальнейшем рассмотрении. Имена героев осетинского сюжета (*Æхсар*, *Æхсартаг*) связаны с осет. *æхсар* / *æхсарæ* ‘воинская доблесть’ (< иран. **xšaθra-* ‘воинская сила, царская власть’) и означают соответственно ‘Воин, витязь’ и ‘Доблестный, герой’ [ИЭСОЯ, 4, 229–230] — имя Бальдра (*Baldr*) может быть интерпретировано как ‘Герой’, а имя убившего его брата, *Hödr*, — ‘Боец, воин’ [LGM, 37, 192]. Отца Ахсара и Ахсартага зовут *Уæрхæг* < иран. **warka-* ‘волк’ [ИЭСОЯ, 4, 93] — отец Бальдра и Хёда, Один (*Óðinn*), имеет постоянными спутниками псов или волков, среди его имен есть такие, как *Hildólfr* ‘Волк битвы’ (или это имя одного из его сыновей) и *Jolfr* ‘Коневолк’; противником и убийцей Одина в Рагнарёк станет волк Фенрир [LGM, 302–309]; и Один, и Уархаг описываются как могучие старцы. Героиня описываемого эпизода, жена одного из братьев, Дзерасса, дочь владыки вод Донбеттыра, становится затем женой их отца, Уархага, — для жены Одина и матери Бальдра и Хёда, Фригг, в скандинавской мифологии имеется параллельная фигура из ванов — Фрейя (мужа которой, бога, ничем, кроме этой функции не известного, зовут *Óðr*, что, скорее всего, является результатом простого раздвоения образа Одина). Многочисленные параллели между этими персонажами и сходство их имен (ср., например, развитие имени Фригг в древневерхненемецком как *Frija* или в «Истории лангобардов» у Павла Диакона как *Frea*) наводят на мысль о том, что Фригг и Фрейя, как и их мужья, являются результатом развития одного древнего образа [Ibid., 109–111, 114–115]. Очевидно, этот параллелизм был актуален и для самих носителей традиции: в поздних источниках («Прядь о Сёрли», записана во второй половине XIV в.) Фрейю могут даже называть «наложницей Одина» [ИП, 57, 675], а у исследователей XX в. она уже просто становится «женой Одина»

[Мелетинский, 1968, 146]. Фрейя же является дочерью владыки вод Ньёрда (ср. Дзерасса — дочь владыки вод Донбеттыра). Подобно параллелизму Фригг и Фрейи в скандинавской мифологии, в рассматриваемом осетинском сказании имеется параллелизм двух мужских персонажей: могучий старик Уархаг становится мужем Дзерассы, которая вступает в связь еще и с богом — покровителем воинов Уастырджи и рождает от этой связи мать нартов Сатану. В таком случае Уархаг и Уастырджи могут рассматриваться как параллельные персонажи, и тогда обращает на себя внимание сходство Уастырджи и Одина, которые выступают в двойной ипостаси: могучий воин на волшебном трехногом (в осетинском варианте) или восьминогом (в скандинавском варианте) коне, сопровождаемый волками или псами, с одной стороны, и старик-путник, странствующий неузнанным по земле, — с другой. Наконец, самым поразительным в этой системе параллелей является полное совпадение имен отца или деда Уархага (*Bur / Boræ*) и отца (*Borr / Burr*) и деда (*Būri*) Одина. Все эти имена имеют собственные этимологии: осет. *Būr / Boræ* — от *būr / bor* ‘желтый, русский’, используемого и в *Būri* ‘прозвище, которое дают блондинам’ [ИЭСОЯ, 1, 271–272], др.-исл. *Būri* ‘Родитель, отец’, *Borr / Burr* ‘Рожденный, сын’ [LGM, 47–48]. Теоретически, конечно, можно видеть здесь случайное совпадение, но не меньше оснований предполагать народную этимологию в одной из традиций: в германской могло иметь место раздвоение первоначально единого образа с неясным для германцев именем, которое связали с производными глагола *bera* ‘рождать’ и выстроили расширенную версию происхождения Одина; в осетинской германские имена могли были переосмыслены в соответствии с народным ономастиком (*Būri* ‘Светловолосый’), и два образа слились в один.

Таким образом, в родословной и судьбе сыновей Уархага в осетинском нартовском эпосе и в родословной и судьбе сыновей Одина в скандинавской мифологии можно обнаружить достаточно точный параллелизм, отраженный в частных деталях и ономастике, который трудно объяснить иначе как общим наследием с последующим независимым развитием отдельных образов (см. рис. 2). То обстоятельство, что в осетинской традиции перед нами в основном героическое эпическое предание, а в скандинавской — мифы о богах, не должно смущать: перенос сюжетов из одной сферы в другую вполне возможен. Замечу, что по обозначенному в начале статьи условию речь идет о сходстве, которое можно объяснять достаточно поздними вторичными контактами, без обращения к общеиндоевропейским и широким типологическим параллелям (вплоть до соответствия *Būr / Boræ* ~ *Borr / Burr*, которое не может быть праиндоевропейским наследием). Не углубляясь в вопросы методологии, укажу лишь, что для понимания разницы между такими поздними и праиндоевропейскими / типологическими параллелями достаточно сравнить предлагаемую здесь гипотезу с известным сопоставлением «Локи / Бальдр ~ Сырдон / Сослан» [Дюмезиль, 1976, 115–117], ср. в особенности колебания Ж. Дюмезиля по поводу перспектив исторической

интерпретации найденных им параллелей [Дюмезиль, 1976, 118–127]. В нашем же случае альтернатива может быть сформулирована только следующим образом: заимствование (точнее, сложение) сюжета в условиях контакта и взаимодействия — или случайное сходство.

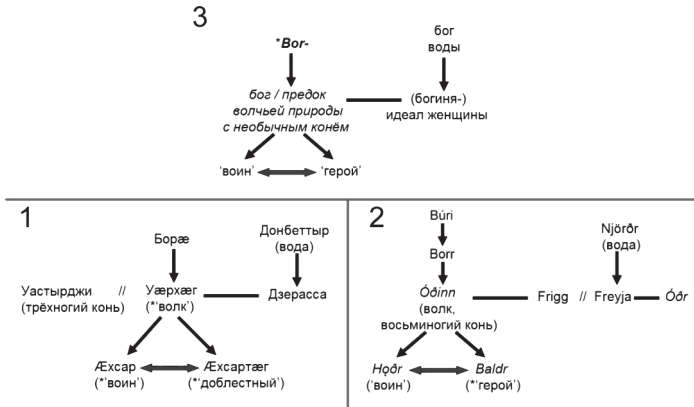

Рис. 2. Сравнительные родословные Одина, Уархага и их сыновей:

1 — осетинская версия; 2 — исландская версия; 3 — реконструкция общего прототипа

Таким образом, имеет, видимо, смысл вернуться к обсуждению вопроса об отражении в германском фольклоре и мифологии готско-аланских (и шире — кавказских) контактов III–IV вв. В свете: 1) упомянутого выше раскрытия данных Иордана о готской активности на Северном Кавказе в середине IV в. и о проникновении готских фольклорных сюжетов в эпическую традицию других германцев; 2) предложенных здесь сопоставлений — нельзя не вспомнить об одной старой проблеме, которая до сих пор либо была основанием для романтически-наивных построений (как, например, у А. Олрика [Olrík, 1922, 464 *pass.*] и служившего ему источником Ш. Ногмова [Ногмов, 1861]), либо трактовалась максимально скептически, как литературный казус, — о локализации в средневековой исландской литературе родины асов и Одина в Северном Причерноморье (см. ниже). Естественно, речь ни в коем случае не идет о реанимации фантазий XIX — начала XX в., но, думается, и гиперкритический подход в складывающейся ситуации выглядит не лучше: отрицая возможность реальных исторических оснований для некоторых любопытных сообщений исландской литературной традиции и ограничивая возможность их происхождения только учеными интерполяциями, мы поступаем с источниками не менее вольно, чем романтики XIX в., видевшие в них повод для конструирования национальной истории.

Достаточно общим местом является тот факт, что образ Одина и связанные с ним сюжеты в германской мифологии весьма многослойны и инновативны [LGM, 302]. Вероятно, в связи со сделанными здесь наблюдениями можно

по-новому взглянуть на проблему происхождения в некоторых сагах [КЗ, 1–5; ИП, 56; Heusler, 1969, 89 *pass.*] рассказа о происхождении асов и ванов, и в особенности Одина, с востока, где первоначально они жили в низовьях реки Танаис (*Tanakvísl*), впадающей в Черное море (*Svartahaf*): ваны — у самого ее устья (*Tanakvísl* ~ *Vanakvísl*), а асы — к востоку от него, в местности, которая называлась Страной, или Жилищем, Асов. Обычно это интерпретируется как результат осмысления случайного созвучия имени асов (*Áss*, мн. ч. *Æsir*) и названия Азии (*Asía*) [ИП, 675], проделанного еще Ари Торгильссоном в начале XIII в. [Heusler, 1969, 110–111; Morgenstierne, 1977, 202] в русле характерного для образованных христианских писателей вроде Ари или Снорри Стурлусона понимания языческих богов как обожествленных правителей древности [Heusler, 1969, 81–82, 88–90, 108–110; Snorri, 1987, XVIII] (хотя следует заметить, что, например, в «Саге об Инглингах» Страна Асов все-таки не идентична с Азией: «*fyrir austan Tanakvísl í Asía var kallat Ásaland еða Ásaheimr*» <страна в Азии к востоку от Танаквисля называется Страной Асов, или Жилищем Асов> [КЗ, II]). Наличие в указанных текстах игры созвучий и народноэтимологических построений несомненно, но вместе с тем нельзя не отметить, что их автор(ы) хорошо осведомлен(ы) о географии именно Северного Причерноморья и предпочитают именно эти территории для своих построений.

В прологе к «Младшей Эдде» Снорри [МЭдда, 3] помещает прародину асов в Малой Азии — в соответствии с популярной ученой версией о происхождении народов от троянцев, тиражировавшейся во многих средневековых германских псевдоисторических конструкциях: «*Liber historiae Francorum*» (VIII в.), у Рудольфа Фульдского в истории саксов (IX в.) и др., причем среди других «*Historia Brittonum*» Ненния (IX в.) просто может рассматриваться как источник для сведений пролога к «Младшей Эдде» (список имен потомков Вотана / Одина в «Младшей Эдде» явно списан с родословной правителей Кента, Дейры и Вессекса) [Heusler, 1969, 83–87, 132–133]. При этом в «Саге об Инглингах» тоже есть отсылка к «троянской» версии — о Европе сказано, что «некоторые ее называют Энеа (*Enea*)» [КЗ, I], однако события локализованы у устья Танаиса, реки, по которой проходит граница Азии и Европы. К сожалению, нельзя, видимо, с уверенностью сказать, что было написано (записано) раньше: пролог к «Младшей Эдде» или «Сага об Инглингах» в «Круге Земном», более того, не совсем ясен вопрос и об авторстве «Круга» и о соотношении устного источника саги и авторских интерполяций³. Важно, однако, что впервые родина асов и Одина была, по-видимому, помещена в Северном Причерноморье, в лежащей к северу от Меотиды (*palude Maeotis* — здесь трудно не вспомнить «Гетику») стране *Suithiod* (см. ниже) в утерянной «Саге о Скьёлдунгах» (конец XII в. или начало

³ Благодарю Ф. Б. Успенского за консультации по древнескандинавской литературной и религиозной традиции.

XIII в.), известной нам в латинской передаче [Heusler, 1969, 89–90, 113]. То есть как бы ни решался вопрос об авторстве «Круга Земного», этот эпизод — вряд ли изобретение самого Снорри Стурлусона [Ibid., 117].

Следует согласиться с авторитетным мнением М. И. Стеблина-Каменского: «...в ту эпоху, когда создавался “Круг Земной”, устная сага была еще живым жанром. Во всяком случае, как показывает сравнение “Круга Земного” с его письменными источниками, еще жива была техника творческого пересказа, которая должна была быть характерна для устной саги»; «... происхождение Асов из Азии не придумано автором “Круга Земного”. Оно есть и в других древнеисландских памятниках, в частности в прологе “Младшей Эдды”. Отличие тут только в том, что автор пролога “Младшей Эдды” обильно уснащает повествование ученостью французского и английского происхождения, тогда как автор саги в основном не выходит за рамки скандинавского материала. Впрочем, географические сведения, которые сообщаются в начале саги, — это, по-видимому, свободная передача ходячей европейской учености того времени» [КЗ, 590, 595]. Таким образом, данные «Саги об Инглингах» выглядят, если позволительно так выразиться, «аутентичнее» и, безусловно, оригинальнее пролога «Младшей Эдды», и, конечно же, должны были быть какие-то причины для такой локализации описываемых в ней доисторических событий. Имплицитно возможный вариант объяснения есть у М. И. Стеблина-Каменского: автор «Круга Земного» заменяет название Скифии (*Scythia*) на кажущееся ему созвучным название Швеции (*Svíþjóð*), подкрепляет это этимологией *Tanais ~ Tanakvísl > *Vanakvísl*, что и могло быть причиной переноса событий в Северное Причерноморье [Там же, 590]. Общее объяснение А. Хойслера (якобы версия «Саги о Скьёлдунгах» и «Саги об Инглингах» является развитием все того же сюжета о троянском генезисе, неизвестно как заимствованного из франкской истории, — там предки франков, бежав из Трои, укрылись на севере и оттуда при императоре Валентиниане переселились на Рейн [Heusler, 1969, 113]) выглядит явно натянутым и ничего не объясняет: в «*Liber historiae Francorum*» нет никаких конкретных сведений о Северном Причерноморье, Танаисе и т. д., следовательно, причина их появления в исландских текстах остается неясной.

Эксплицитно интересующий нас вопрос впервые поставил, видимо, Г. Моргенштерне («Why did Snorri <...> place the home of the Aesir exactly here, just east of the Don?» «Почему Снорри поместил родину асов именно здесь, непосредственно к востоку от Дона?»), предположивший, что причиной, побудившей Снорри перенести действие к устью Дона, было знакомство его с названием предков осетин, *асов*, о котором он мог узнать, например, при дворе Хокона IV в Норвегии [Morgenstierne, 1977, 202–203]. Весьма остроумное предположение встречает, пожалуй, только одну трудность: имя аланов-асов в конце XII — начале XIII в. могло быть известно в Скандинавии, скорее всего, только в его древнерусской огласовке, *яси*, которая уже вряд ли могла вызвать нужную

ассоциацию: форма *As-* становится в Европе известной в постмонгольское время благодаря сообщениям Бенедикта Поляка, Платона Карпини и др. [Алемань, 2003, 32–36].

Здесь нельзя не заметить, что описание жизни Одина в Азии в «Саге об Инглингах» до некоторой степени перекликается с описанием Германариха у Иордана: Один уводит свой народ на север под угрозой нашествия римлян [КЗ, 5] — ср.: готы уходят со своей родины после нашествия гуннов, во время которого Германарих гибнет; при этом Один, как и Германарих, — могущественный вождь, мудро правивший своим народом и совершавший дальние победоносные походы, во время одного из которых асы решили, что он не вернется, и его братья Вили и Ве «стали делить его наследство, и оба поженились на его жене, Фригг. Но вскоре после этого Один возвратился домой, и он тогда вернул себе свою жену» [КЗ, 3]. Последний странный эпизод, не имеющий никаких продолжений в других источниках (*Vili* и *Vé*, ‘Воля’ и ‘Святость’, вообще, весьма вероятно, представляют собой персонификации соответствующих понятий и действуют только в эпизодах сотворения мира и человека вместе с Одним), может быть искаженной реминисценцией уже упомянутой выше истории о Сунильде и ее братьях [Гетика, 129–130] — сюжета, в происхождении которого у германских народов из готской фольклорной традиции сомневаться не приходится.

Еще на одну возможную причину, которая могла способствовать установлению связи происхождения асов и Одина с районом готского расселения времен Германариха исландскими книжниками, — сходство имени *ванов*, противников Одина и асов с *венедрами* Иордана — указывал П. Шафарик [Schafarik, 1843, 101 *pass.*] (у него войны ванов с асами прямо связываются с гипотетическими конфликтами аланов-асов с венедрами). Проблему здесь представляет анахроничность сопоставления. Появление венедов у Иордана объясняется сугубо следованием литературной традиции: они раньше жили там, где в его времена живут анты и склавины, в силу чего он и связывает происхождение этих народов с венедрами [Анфертьев, 1994, 129–132], и версия Шафарика вряд ли может быть принята даже в модифицированном виде.

В целом следует констатировать, что вопрос о причинах, побудивших авторов или редакторов исландских саг XIII в. помещать родину асов и Одина в район восточнее устья Дона, остается нерешенным. Предполагать здесь прямое влияние «Гетики» Иордана явно не приходится: у нас нет никаких оснований думать, что его сочинение было известно в Исландии или в Скандинавии в этот период, и можно только солидаризироваться с категоричным заключением А. Хойслера: «Ein Einfluß des Jordanes auf isländische Schriftwerke ist auch sonst meines Wissens nicht nachzuweisen» <Влияние Иордана на исландские литературные труды, насколько я могу судить, доказать невозможно> [Heusler, 1969, 115]. В свете приведенного материала я осмелюсь высказать предположение о том, что в исландском (*resp.* германском в целом) средневековом фольклоре присутствовали

фрагменты устной традиции, сформировавшейся у готов в период их пребывания в III–IV вв. в Северном Причерноморье, которые органически включались в северные сюжеты. Такими фрагментами являются, как показано еще в [Brady, 1943], сюжет о Германарихе и Сунильде, рассмотренный здесь сюжет о сыновьях Одина и Уархага и, возможно, какой-то комплекс представлений о былом проживании в Причерноморье, о местной ономастике и географии, отразившийся в рассказе о предыстории асов и Одина. Я намеренно не называю эту традицию готской, поскольку истоки конкретных мотивов могли быть заимствованы готами у народов Причерноморья или Северного Кавказа (прежде всего — аланов, с которыми готы находились в особенно тесных отношениях) или возникнуть в ходе тесного взаимодействия готов и местного населения — подобно тому, как сформировался в ходе взаимодействия разноязычных групп нартовский эпос.

Источники

- Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М. : Менеджер, 2003.
- Анфертьев, 1994 — Иордан / публ., комм. А. Н. Анфертьева // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I : I–IV вв. / сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М. : Восточная литература, 1994. С. 98–161.
- Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 10.03.2021).
- Гетика — *Иордан*. О происхождении и деяниях готов. *Getica* / вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетейя, 1997.
- Иллюстрированная Эдда — *Melsteðs-Edda; Ísland, 176–1766*. URL: <https://handrit.is/is/manuscript/view/SAM-0066> (дата обращения: 10.03.2021).
- ИП — Исландские пряди / пер., комм. Е. А. Гуревич. М. : Наука, 2016.
- КЗ — *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / изд. подгот. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М. : Наука, 1980.
- МЭдда — *Снорри Стурлусон*. Младшая Эдда / изд. подгот. О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский ; отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. М. : Наука, 1970.
- НК — Нарты кадджытæ. Ирон адæмы эпос. Т. 1. Дзæуджыхъæу : ИПЦ СОИГСИ, 2003 (на осет. яз.). Смерть Бальдра. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/9c/Treated_NKS_baldr.jpg (дата обращения: 10.03.2021).
- Mommsen, 1882 — *Romana et Getica* / ed. Th. Mommsen. Berlin : Weidmann, 1882.
- SÁM 66 — *Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum. Handrit Melsteðs-Edda (Ísland, 1765–1766)*. URL: [https://handrit.is/is/manuscript/imaging/is/SAM-0066/73r-80v#page/75v++\(6+af+16\)/mode/2up](https://handrit.is/is/manuscript/imaging/is/SAM-0066/73r-80v#page/75v++(6+af+16)/mode/2up) (date of access: 10.03.2021).
- Snorri Sturluson*. *Edda* / transl. and ed. by A. Faulkes. London : Everyman Library, 1987.

Исследования

- Дувакин Е. Н.* Узлы ветров и корни гор: степные истоки североевропейских мотивов // Индоевропейское языковедение и классическая филология — XXIV : материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского (22–24 июня 2020 г.) / отв. ред. Н. Казанский. СПб. : ИЛИ РАН, 2020. С. 24–40.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М. : Наука, 1976.

- ИЭСОЯ — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 5 т. Л. ; М. : Наука, 1958–1989.
- Кумахов М. А., Кумахова З. Ю.* Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. М. : Наука, 1985.
- Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М. : Наука, 1968.
- Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев Шора Бекмурзин Ногмовым, дополненная предисловием и исправленная сыном его Еруст. Шора Бекмурзин Ногмовым. 3-е изд. Пятигорск : [б. и.], 1861.
- Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях готов. *Getica* / вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетей, 1997. С. 9–58.
- Brady C.* The Legends of Ermanaric. Berkeley ; Los Angeles : California Press, 1943.
- Christensen A. S.* Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth. Copenhagen : Museum Tusulanum Press, 2002.
- Croke B.* Cassiodorus and the *Getica* of Jordanes // Croke B. Christian Chronicles and Byzantine History, 5th–6th centuries. Aldershot : Variorum, 1992. P. 117–134.
- Heusler A.* Die gelehrte Urgeschichte im islandischen Schrifttum // Heusler A. Kleine Schriften. Bd. 2. Berlin : de Gruyter, 1969. S. 80–161.
- LGM — *Simek R.* Lexikon der germanischen Mythologie. 2te ergänzte Aufl. Stuttgart : Kröner, 1995.
- Morgenstierne G.* Norse *Áss* and *Ás* “Ossete”? // Вопросы иранской и общей филологии / гл. ред. Н. Я. Габараев. Тбилиси : Мецниереба, 1977. С. 201–203.
- Napol'skich V.* Ermanarichs arctoi gentes (Jordanes “Getica”, 116): Versuch einer Interpretation // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2016. Vol. 22, No. 1. P. 26–54.
- O'Donnell J. J.* The Aims of Jordanes // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1982. Bd. 31, No. 2. S. 223–240.
- Olrik A.* Ragnarök. Die Sagen vom Weltuntergang. Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter, 1922.
- Schafarik P. J.* Slawische Altertümer. Bd. 1. Leipzig : [s. n.], 1843.
- Sønnesyn S.* Review on: Christensen, A. S. (2002). *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press // *Scandinavian Journal of History*. 2004. Vol. 29, No. 3–4. P. 306–308.
- Wagner N.* *Getica*. Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Gothen. Berlin : de Gruyter, 1967.
- Wood I.* Review on: Christensen, A. S. (2002). *Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press // *Historisk Tidsskrift*. 2003. Bd. 103, H. 2. S. 465–484.

Рукопись поступила в редакцию 11.03.2021

СОКРАЩЕНИЯ

др.-исл. древнеисландский язык

* * *

Напольских Владимир Владимирович

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований
 Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
 119571, Москва, пр. Вернадского, 82, корп. 2
 E-mail: vovia@udm.ru

Napolskikh, Vladimir Vladimirovich

DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Research Fellow School for Advanced Studies in the Humanities The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
 82/2, Vernadsky Av., 119571 Moscow, Russia
 Email: vovia@udm.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>

Vladimir V. Napolskikh

The Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Izhevsk — Moscow, Russia

**“MY ARROW, FLY UP DOUBLE, COME DOWN SINGLE”:
 TO THE PROBLEM OF SCANDINAVIAN–ALANIC PARALLELS
 IN THE MYTHOLOGICAL ONOMASTICON**

The article compares the plots of the Ossetian Nart epic (the tale of Axsar and Axsartag, sons of Warxag, in which one of the brothers gets killed by a doubled or forked arrow due to a misunderstanding) and the Icelandic epic (the story of the accidental murder of Baldr by his blind brother Höd with a dart from a mistletoe shoot, in medieval illustrations to which the murder weapon is also depicted as forked sprout). The peculiarity of the plot (a strange, forked murder weapon), which was already incomprehensible to Ossetian storytellers and Icelandic medieval writers, is a typical example of “common oddity,” which can be a decisive argument when comparing folklore motifs for a common origin. In addition to the similarity of the plots, a commonality is found in the genealogy of the heroes of these legends, through which they fit into the mythological picture of the world of the corresponding traditions and in the mythological onomasticon: the parallelism of pairs Odin — Frigg / Freya (with her father Njord, the god of waters) and Warxag / Wastyrdg’i — Dzerassa (daughter of the god of waters Donbettyr), semantic similarities in the names of the heroes (‘Warrior,’ ‘Hero’) and the exact match in the names of their ancestors (*Boræ* — *Buri*, *Bor*). All these observations allow us to hypothesize for the presence of borrowed Gothic plots in the North German epic tradition, which also include the story of Hermanarich, Sunilda and her brothers, known from Jordanes’ *Getica*. It also leads us to explain why some sagas trace the location of the Ases and Odin ancestral home to the mouth of the Don. These German–Ossetian parallels do not go back to Indo–European antiquity but testify to the close Gothic–Alanic contacts in the northern Black Sea region in the 3rd–4th centuries.

Key words: Nart epics; Edda; sagas; Scandinavians; Ossetians; Alans; Goths; comparative mythology

- Abaev, V. I. (1958–1989). *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language] (Vols. 1–5). Leningrad; Moscow: Nauka.
- Brady, C. (1943). *The Legends of Ermanaric*. Berkeley; Los Angeles: California Press.
- Christensen, A. S. (2002). *Cassiodorus, Iordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth*. Copenhagen: Museum Tusulanæum Press.
- Croke, B. (1992). *Christian Chronicles and Byzantine History, 5th–6th centuries*. Aldershot: Variorum.
- Dumézil, G. (1976) *Osetinskii epos i mifologiya* [Ossetian Epic and Mythology]. Moscow: Nauka.
- Duvakin, E. N. (2020). Uzly vetrov i korni gor: stepnye istoki severoevropeskikh motivov [Wind Knots and Mountain Roots: Steppe Origins of Northern European Motives]. In N. Kazansky (Ed.), *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XXIV: materialy chtenii, posviashch. pamiati prof. I. M. Tronskogo (22–24 iyunia 2020 g.)* [Indo-European Linguistics and Classical Philology — 24: Proceedings of the Conference in Memory of Prof. Joseph Tronsky (June 22–24, 2020)] (pp. 24–40). St Petersburg: ILI RAN.
- Heusler, A. (1969). *Kleine Schriften* (Bd. 2). Berlin: de Gruyter.
- Kumakhov, M. A., & Kumakhova, Z. Yu. (1985). *Iazyk adygskogo fol'klora: Nartskii epos* [The Language of the Adyghe Folklore: the Nart Epic]. Moscow: Nauka.
- Meletinsky, E. M. (1968). “*Edda*” i rannie formy eposa [The Edda and Early Forms of the Epic]. Moscow: Nauka.
- Morgenstierne, G. (1977). Norse Áss and Ās “Ossete”? In N. Ya. Gabaraev (Ed.), *Voprosy iranskoj i obshchej filologii* [Issues in Iranian and General Philology] (pp. 201–203). Tbilisi: Metsniereba.
- Napolskich, V. (2016). Ermanarichs arctoi gentes (Jordanes “Getica”, 116): Versuch einer Interpretation. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology*, 22(1), 26–54.
- Nogmov, Sh. B. (1861). *Istoriia adykheiskogo naroda sostavlennaja po predaniiam kabardintsev Shora Bekmurzin Nogmovym, dopolnennaja predisloviem i ispravlennaja synom ego Erust. Shora Bekmurzin Nogmovym*. [The History of the Adyhean People, Compiled from the Legends of the Kabardians by Shor Bekmurzin Nogmov, Prefaced and Corrected by his Son Yerust. Shora Bekmurzin Nogmov] (3rd ed.). Pyatigorsk: [s.n.].
- O'Donnell, J. J. (1982). The Aims of Jordanes. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 31(2), 223–240.
- Olrik, A. (1922). *Ragnarök. Die Sagen vom Weltuntergang*. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter.
- Schafarik, P. J. (1843). *Slawische Altertümer* (Bd. 1). Leipzig: [s.n.].
- Simek, R. (1995). *Lexikon der germanischen Mythologie*. Stuttgart: Kröner.
- Skrzhinskaya, E. Ch. (Ed.). (1997). *Jordan. O proiskhozhdenii i deianiiakh gotov* [Getica]. (2nd ed.). St Petersburg: Aleteia.
- Sønnesyn, S. (2004). [Review of *Cassiodorus, Iordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth* by A. S. Christensen]. *Scandinavian Journal of History*, 29(3–4), 306–308.
- Wagner, N. (1967). *Getica. Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Gothen*. Berlin: de Gruyter.
- Wood, I. (2003). [Review of *Cassiodorus, Iordanes and the History of the Goths. Studies in a Migration Myth* by A. S. Christensen]. *Historisk Tidsskrift*, 103(2), 465–484.

Received on 11 March 2021